

Аркадий Мар

Аркадий Мар – русский писатель, живущий в Нью-Йорке с 1995 года. Член СП СССР, России, Москвы. Член Международного ПЕН-клуба. Печатался в «Роман-Газете» (Москва), «Литературных знакомствах» (Москва), «У Никинских ворот» (Москва), «Путеводной Звезде» (Москва), «Костре» (С.-Петербург), «Вертикали» (Нижний Новгород), «Чаше Круговой» (Екатеринбург), «День и Ночь» (Красноярск), «Приокских Зорях» (Тула), «Севере» (Петрозаводск), «Звезде Востока» (Ташкент), «Арт-Литере» (Болгария), «Нить» (Великобритания). Лауреат национальных и международных литературных конкурсов. Автор 16 книг, вышедших в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада), Болгарии. Родился и всю жизнь прожил в Ташкенте. Отец участвовал в обороне Сталинграда и был ранен.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Рассказ

Сон вдруг подёрнулся рябью, расплылся, и Алишер понял, что проснулся. Он не открывал глаз и напрягался, стараясь вспомнить и связать цветные нити этого сна, но с каждой секундой спать хотелось всё меньше и меньше, и Алишер вздохнул. Всегда у него сон прерывается на самом интересном месте. Алишер потянулся, зевнул. Наверное, нужно вставать. Дома его всегда будит мать. Она тихо подходит к кровати, наклоняется и что-то шепчет в ухо. Становится щекотно-щекотно, даже чихнуть хочется. Алишер, не открывая глаз, обнимает маму за шею и, пока мама несёт его умываться, досыпает у неё на руках. Но сегодня Алишер ночевал у деда. У мамы премьеры, и ей нужно подготовиться. Вчера мама, наверное, сто раз целовала Алишера и шептала: «Я так боюсь, сынок, так боюсь». И чего ей бояться, непонятно? Ведь она танцует лучше всех.

Каждый день, утром и вечером, мама идёт в театр на работу. Утром на репетиции, вечером на спектакль. Мама работает балериной. А если совсем точно, в первой линии кордебалета. Иногда мама берёт его с собой. Тогда Алишер сидит на деревянном стуле с резной спинкой, грызёт яблоко и смотрит. Человек в чёрном свитере со смешным именем «балетмейстер» размахивает длинными руками, каждую минуту хватается за голову и кричит: «Стоп, стоп. Как вы не можете понять!»

Все сразу останавливаются, вытирают пот: и Надя, которая угощает Алишера конфетами «Белочка», и лучшая мамина подруга Света, а мама морщится и начинает растирать ноги в толстых шерстяных носках. Потом опять будут повторять сначала. И сколько можно? Алишер встает со стула и идёт к дяде Лёне. У дяди Лёни гораздо интересней! Он самый главный на складе декораций. Дядя Лёня разрешает мерить все костюмы, какие захочешь. А сколько у него шпаг, кинжалов, копий! На месте взрослых Алишер ходил бы в театр на склад декораций.

В тот раз мама провела его через служебный ход и усадила в первый ряд. Медленно потухла сделанная будто из тысяч прозрачных леденцов огромная люстра, и занавес раздвинулся.

Неужели это мама? А где её чёрное трико? Где шерстяные носки? Сейчас она похожа... На кого она похожа? На птицу... Ну да. На большую белую птицу. И руки, как крылья. Но как это мама могла превратиться в птицу? И остальные тоже. Может, их заколдовали?

Алишер оглянулся по сторонам. Но почему все сидят спокойно? Или они не понимают?.. Может, они тоже заколдованы? Нужно что-то делать. Он побежит сейчас к дяде Лёне, возьмёт большую саблю и расколдует всех. Занавес вдруг сошёлся, и все громко зааплодировали. Из-за красных занавесных складок вышли хорошо знакомые и Надя, которая угощает его конфетами, и Света, самая лучшая мамина подруга. А вот и мама. Она кланяется зрителям. А Алишер помахал ей рукой.

После спектакля они шли домой пешком. Алишер прижимался к маме, заглядывал ей в глаза и даже потрогал несколько раз. Мама была такая же, как всегда, только усталая...

– Дед, – крикнул Алишер. – Дед!

Но почему-то никто не отзывался. Алишер откинул одеяло и зашлёпал босиком по полу. Он распахнул дверь в комнату деда. Деда не было. Что это висит на стуле? А-а... Так вот почему в дедовой комнате вечером долго не гас свет. Ещё вчера этот пиджак висел в шкафу и был обыкновенным чёрным пиджаком от костюма. Сегодня же, отутюженный, от аккуратно висел на спинке стула.

Но самое главное, к пиджаку были прикреплены ордена!

Алишер подошёл поближе.

– Один, два, три, – считал он, трогая каждый орден.

На ярких металлических кружочках горели выбитые буквы, и Алишер стал водить пальцем вдоль каждой из них. Какая это буква с завёрнутыми с двух сторон краями? А-а, вспомнил. Буква «З». Что же получилось?

– За-о-тв-а-гу... За от-ва-гу! На ордене написано «За отвагу»!

Раз на ордене написано «За отвагу», значит, дед – герой. Вот здорово. Его дед – герой!

– Дед, – закричал Алишер. – Что же ты раньше не говорил?!

В прихожей хлопнула дверь. Ну, конечно, дед ходил за газетами.

– Ты уже встал? Быстренько иди умываться.

Хорошо деду так говорить. Он не только делает зарядку, но и обливается холодной водой. От этой воды у Алишера кожа покрывается прыщами. И почему она называется гусиной? Непонятно... Да, а ордена?

– А почему ты ордена каждый день не носишь?

– Да как-то неудобно. И потом, если часто носить, они будничными становятся. Мне кажется, одевать их нужно раз в год, в День Победы.

Станный дед какой-то. Если бы у Алишера был хоть один орден, он бы не снимал его ни днём ни ночью. Ходил бы с ним и в детсад, и гулять. Пусть все видят, что он герой, и завидуют.

– Дед, а ты правда герой?

Дед почему-то заулыбался.

– Герой не герой, а не хуже других был. Две медали «За отвагу» и орден «Славы».

– Как, медали?

Алишер даже обиделся за деда. Оказывается, только медали, а орден всего один.

– «Слава» – самый главный солдатский орден, – объяснил дед. – Ни у одного генерала и маршала нет.

Алишер пошёл умываться. Если даже у генералов и маршалов нет такого ордена, тогда всё в порядке...

Это хорошо, что на завтрак кефир. Им очень вкусно запивать хлеб с колбасой. Дома мама ни в жизнь бы не разрешила. Уж как всё надоело! Только и слышишь: «Алишер, закутай горло шарфом, Алишер, съешь манную кашу». Кому нужна эта манная каша? Даже соседский щенок и тот прошёл мимо, когда Алишер поставил кашу перед его носом. У деда лучше. Он покупает мороженого сколько хочешь. Разрешает не кутаться. Он даже маме сказал: «Растишь ребёнка неженкой, смотреть противно».

– Наелся? – спросил дед. – Тогда пойдём. И свитерними, жарко на улице.

– Дед, а мороженое купишь?

– Куплю, конечно, только сначала мы в театр позвоним.

Действительно, чуть не забыл. Ведь у мамы сегодня премьера! Премьера называется «Дон Кихот». Мама много рассказывала про этого человека. Он боролся за справедливость. Только жил в Испании.

– Дед, а ты хотел бы быть Дон Кихотом?

– Хотел.

– А как им стать, знаешь?

– Нужно быть честным и ничего не бояться.

– А если они сильнее?

– Кто?

– Ну те, кто не справедливы.

– Всё равно нужно бороться.

С кем же бороться? Алишер задумался... Пожалуй, с Мишкой. Он из рогатки в голубей стреляет. Но Мишка сильнее. Его полдвора боится. Алишер вздохнул. Да, трудно быть Дон Кихотом...

Ну и жара! Доедаешь вторую порцию мороженого, а прохладнее не становится. Сколько людей вокруг! Навстречу идёт военный. Вот здорово, вся грудь в орденах!

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор, – говорит дед и отдаёт честь. – С Днем Победы!

Алишер согнул руку в локте и тоже отдал честь. Правда, в ней он держит мороженое, так у военных не бывает. Но генерал, наверное, не заметил. Он улыбнулся и сказал:

– Вас тоже с великим праздником, Пулат Хакимович. А это внук?

– Внук, Алишер.

Генерал приложил ладонь к козырьку и сказал:

– Ну что ж, поздравляю, Алишер, и тебя, – он на прощанье помахал рукой и пошёл дальше.

Из-за угла вдруг послышалась музыка. Ещё минута, и показался духовой оркестр. Трубачи шли по середине мостовой, на одинаковом расстоянии друг от друга. Они крепко прижимали мундштуки к губам и раздували щёки. Солнечные блики стаями слетали с ослепительно начищенных медных труб, заставляя людей щуриться и прикрывать глаза. Тугие звуки марша отвесно уходили вверх, в самое небо, таяли в высоте, а за ними накатывала новая музыка...

На площади возле парка людей было ещё больше. Мужчины и женщины держали в руках плакатики. На них чернилами, краской, тушью были написаны цифры и слова. Дед тоже вытащил из кармана пиджака свёрнутый в трубку лист бумаги, развернул его.

– Что там написано? – спросил Алишер.

– «327-й полк САУ». В нём я воевал.

– А как понять САУ?

– Самоходная артиллерийская установка.

– А что сильнее, танк или установка?

– И без танков, и без САУ в армии нельзя.

Люди собирались группами, обнимались, целовались, громко разговаривали, а некоторые даже плакали. Возле одних плакатиков людей было очень много, у других поменьше, а у дедовского совсем никого.

– Пулат Хакимович, – окликнули деда от таблички «Северо-Западный фронт», – опять никого не дождёшься. Иди к нам!

– Спасибо. Может, кто-нибудь придёт. Столько лет жду...

Уже, наверное, прошло два часа, как они ходили по площади, но никто не подходил. Алишер взял плакатик у деда и сам теперь нёс его.

– Дед, я газировки хочу.

– Сбегай сам, у меня ноги что-то устали. Я тебя здесь на скамейке подожду.

У автоматов с газированной водой было много народа, и Алишер встал в очередь. Женщина в белой блузке, стоящая впереди, оглянулась, посмотрела на Алишера и сказала:

– Товарищи, давайте пропустим вперёд молодого человека. Вон, вон, из «327-го полка САУ».

– Кто здесь из этого полка? – раздался чей-то голос.

Седой мужчина в чёрном костюме подошёл к Алишеру, взял из его рук плакатик, прочёл надпись.

– Ты с кем пришёл, мальчик? – волнуясь, спросил он.

– С дедом.

– А где он?

– На скамейке сидит.

– Проводи меня к нему...

Дед всё так же сидел на скамейке и читал газету. Седой мужчина внимательно посмотрел на деда и подошёл к нему почти вплотную.

– Это ты, Пулат? – неуверенно спросил он.

Дед вздрогнул, прищурил глаза и вдруг бросился к нему навстречу.

В следующую секунду они уже обнимались и хлопали друг друга по плечам.

«Вот это да, – подумал Алишер, – у деда полные глаза слёз. А ещё говорил, что мужчины никогда не должны плакать!»

– Витя, – повторял дед, – Витенька. Я же тебя тридцать лет искал. Целых тридцать лет...

Мимо них проходили люди, рядом по дороге спешили куда-то автомашины, а они сидели на скамейке, не замечая ничего вокруг.

– Помнишь, – сказал дед, – под Прохоровкой ты меня из подбитой машины вытащил. Обгорел я тогда сильно.

Так вот откуда у деда шрамы на руках и груди. Что же дед никогда об этом не рассказывал?

– Конечно, помню. В госпиталь тебя отвезли.

– Там я три месяца провалялся, потом в другую часть попал. Брал Севастополь, а закончил войну в Чехословакии.

– А я в Кёнигсберге.

– Витя, кого-нибудь из наших видел?

– Саня Чертков в Москве, директор большого завода. Тоня – учителем под Саратовом, недавно письмо прислала. А Рудик Григорян погиб, и Кожемякин погиб, а замполит позже, в Прибалтике, – он помолчал. – Время летит, оглянуться не успеваешь. Да, что я приехал... С глазами плохо стало. Контузило меня в сорок пятом, а вот через сколько лет война о себе напомнила. У вас тут профессор есть хороший, ему и хочу показаться.

– Ты ещё у него не был?

– Да я два часа, как из Челябинска прилетел. Только и успел номер в гостинице снять.

– Никаких гостиниц. Остановишься у меня!

– А не стесню?

– Да как ты думать можешь об этом...

– Настоящий узбекский плов, – сказал дед, поставив на середину стола большой ляган с пловом. Потом наполнил рюмки. – Самый первый тост за наших боевых товарищей, за тех, кто не дожил до Победы...

В раскрытое окно потянул ветерок, пошевелил занавесками.

– Витя, – сказал дед. – Споём нашу фронтовую?

Дед подошёл к серванту, снял с него подсвечник, зажёл свечку и выключил свет. Тоненький розовый язычок секунду поморгал, затем разгорелся. Свечка чуть потрескивала, парафиновые слёзы медленно стекали вниз и застывали по дороге.

Наконец, они запели в полголоса:

*Бьётся в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой...*

Песня наполняла комнату, переливалась в окно, за которым виднелись соседские крыши, ещё дальше была Петькина голубятня, а на самом горизонте, где вечернее небо упиралось в парк культуры, расцветали разноцветные сполохи праздничных салютов.